

В.В. Десятов

Сирин и «Кысь»: Татьяна Толстая пародирует Набокова

1. Зоорландия: под знаком набоких

Первый роман Татьяны Толстой «Кысь» развивает традиции антиутопии. Действие в нем происходит спустя много лет после радиационной катастрофы («Взрыва»). На месте Москвы расположен деревянный город «Федор-Кузьмичск», названный в честь его нынешнего правителя. Цивилизация деградировала до уровня каменного века с элементами раннефеодальных отношений и жесткой вертикалью власти.

Толстая изображает будущее как набоковскую Зоорландию (упомянутую писателем в рассказе «Истребление тиранов», романе «Подвиг», стихотворении «Ульдаборг») – Зоорландию в буквальном смысле слова: люди вместе со всеми животными и растениями превратились в мутантов. «Последствия» радиационного облучения у каждого свои. У одной героини романа на голове рожки, у другой – по всему телу петушиные гребни, у третьего героя – вымя, у всей семьи четвертого – когти, так называемые «перерожденцы» покрыты густой шерстью. Зооморфность жителей Федор-Кузьмичска отражена и в их именах: Иван Говядич, Шакал Демьяныч, Клоп Ефимыч. Главный герой романа Бенедикт читал Набокова, и в восприятии этого читателя Набоков вполне вписывается в мир мутантов-уродцев. На книжной полке Бенедикта знаменитый «сноб и атлет» оказывается рядом с такими же «убогими»: «Набоков, Косолапов, Кривулин» [Толстая, 2001, с. 247]. Бенедикт не привык смущаться всевозможными телесными деформациями и увечьями окружающих: «увечье – дело житейское, выбьют глаз – дак и одним глазом можно солнышку радоваться, выбьют зубы – дак и щербатый счастью своему улыбается, доволен» [Там же, с. 123]. Бенедикт даже регулярно посещал «по бабскому делу» вдову Марфушку: «Раз ли, два ли раза в неделю, но непременно к Марфушке завернет. С лица она нельзя сказать, чтобы уж очень была хорошенькая. У ней, по правде сказать, весь мордovorot как бы на сторону съехамши, будто ей кто оглоблей в личико вдарил. И один глаз заплымши» [Там же].

В другом эпизоде романа, уже после женитьбы Бенедикта, его супруга ревнует мужа к книге и критикует литературную героиню, которую автор заставляет непрерывно двигать руками: «Людмила зябко куталась в пуховой платок, обхватив себя за худенькие, вздрагивающие плечи. <...> Тонкие пальцы Людмилы нервно перебирали бахрому шали. «Владимир!» – вскрикнула она, простирая ладони...».

Оленька набычилась:

– Но и сколько же у ей рук-то, у Людмилы-то у этой?

– Сколько надо! Две!

– А шурует вроде как шестью. Это у ей Последствие али как? <...> Бенедикт еще перелистнул. «Кончиками тонких пальцев Людмила потирала усталые виски. «Никогда», – прошептала она, заламывая руки. Смертельная бледность заливала ее лицо. Она разжала объятя. <...>» Ах, блин, и впрямь... Последствие у Людми-

лы-то...» [Там же, с. 244-245].

«Многорукость» героини здесь – ирония над неумелым беллетристом. В рассказе Набокова «Весна в Фиальте» образ «многорукой» героини – оригинальный художественный прием, передающий быстроту движений (он применяется в фото- и киноискусстве): «Со ступеньки встал и пошел, с выпученным серым, пупастым животом, мужского пола младенец, ковыляя на калачиках и стараясь нести зараз три апельсина, неизменно один роняя, пока сам не упал, и тогда мгновенно у него все отняла тремя руками девочка с тяжелым ожерельем вокруг смуглой шеи и в длинной, как у цыганки, юбке» [Набоков, 2000, с. 563; в дальнейшем русскоязычные тексты Набокова цитируются по этому изданию с указанием в круглых скобках тома римскими цифрами и страницы арабскими цифрами].

Технический регресс общества описывается Толстой вразрез с прогнозами Замятина или Хаксли, усиливая тенденции, обозначенные автором «Приглашения на казнь». Толстая систематически апеллирует к «Приглашению на казнь», «Истреблению тиранов» и другим произведениям Набокова. Прежде чем обратиться к собственно пародийным элементам интертекстуального диалога «Толстая – Набоков», проиллюстрируем наш тезис о самом наличии этого развернутого, многоуровневого и многотемного диалога, вскрыв в тексте «Кыси» конкретные набоковские реминисценции.

2. М-сье, Господин, Мурза

«Кысь»: «Есть у нас малые мурзы, а Федор Кузьмич, – слава ему, – Набольший Мурза, долгих лет ему жизни. Кто сани измыслил? Федор Кузьмич. Кто колесо из дерева резать догадался? Федор Кузьмич» [Толстая, 2001, с. 22].

«Приглашение на казнь»: «Кто утешит рыдающего младенца, кто подклеит его игрушку? М-сье Пьер. Кто снабдит трезвым советом, кто укажет лекарство, кто принесет отрадную весть? Кто? Кто? М-сье Пьер. Все – м-сье Пьер» (IV, 95-96).

«Истребление тиранов»: «Я понял свой грех перед нашим великим, милостивым Господином. Не он ли удобрил наши поля, не его ли заботами обуты нищие, не ему ли мы обязаны каждой секундой нашего гражданского бытия?» (V, 374).

Набоков (наряду, конечно, со многими другими авторами) отмечал и восточный дух всяческого деспотизма. В стихотворении «О правителях», например, советская Россия сравнивается с Китаем, в «Других берегах» западноевропейские чиновники-бюрократы называются жирными ханами (V, 31).

3. Хищный санитар

В результате государственного переворота место Федора Кузьмича занимает Главный Санитар, тесть Бенедикта, носящий разбойничье имя Кудеяр Кудеярыч Кудеяров (отсылка к «Кому на Руси жить хорошо» Некрасова и «Серебряному голубю» Андрея Белого). На ногах у Главного Санитара – большие когти, по тексту разбросаны намеки на его кровожадность и каннибализм. Санитары внушают рядовым гражданам мистический ужас, те, кого санитары забирают на «лечение», никогда не возвращаются.

В «Приглашении на казнь» палач м-сье Пьер сравнивается с доктором: «Тот на какие-то полсекунды дольше, чем это бывает обычно, задержал в своей мягкой маленькой лапе ускользающие пальцы Цинцинната, как затягивает пожатие пожилой ласковый доктор <...>» (IV, 93).

Смертоносный доктор – вообще один из лейтмотивов набоковского творчества. Достаточно вспомнить только фамилии докторов, придуманных писателем: «доктор Гибель» из повести «Соглядатай» (III, 91), «врач Гроб» из пьесы «Изобре-

тение Вальса» (V, 573), «Доктор Мертваго» (как называл Набоков роман Пастернака). Уже в ранней набоковской пьесе «Дедушка» «палач – похож на лекаря почтенного» (I, 700).

4. Праздники под проливным дождем

«Кысь»: «А многие дивятся: отчего бы это Октябрьский Выходной – да в ноябре? А опять-таки подход у них негосударственный! А потому он в ноябре, что в октябре погода обычно хорошая, ни снега, ничего. <...> А в ноябре как зарядят дожди, как зарядят, как зарядят, – и-и-и-и-и-и! – мутно так между небом и землей, и на душе мутно! <...> в такой день и назначают Октябрьский Выходной. Всем голубчикам, и здоровым, и увечным, велено из дома выходить на главную площадь, где дозорная башня, и по шестеро в ряд, с песнями, пройтись» [Толстая, 2001, с. 132-133].

В «Истреблении тиранов» рассказчик упоминает «праздники под проливным дождем, исполинские торжества, на которых миллионы моих сограждан проходят в пешем строю, с лопатами, мотыгами и граблями на рабьих плечах <...>» (V, 362).

5. «Репка» – поэма и притча

Тиран, которого мечтает истребить набоковский рассказчик, превратил страну в «обширный огород» (V, 355). Народной героиней становится «старуха-вдова, которая вырастила двухпудовую репу и посему удостоилась высочайшего приема» (V, 362), где «она в продолжение десяти незабвенных минут рассказывала, как репу посадила, как тащила ее из земли и все не могла вытащить, хотя ей казалось, что призрак ее покойного мужа тащит вместе с ней, и как пришлось позвать сына, а потом внука да еще двух пожарных, отдыхавших на сеновале, и как наконец, цугом пятясь, чудовище вытащили. Он был, видимо, поражен ее образным рассказом: «Вот это поэзия, – резко обратился он к своим приближенным, – вот бы у кого господам поэтам учиться», – и, сердито велел слепок отлить из бронзы, вышел вон» (V, 363).

Персонажи романа «Кысь» уже не способны прокормиться с помощью земледелия. Их главный продукт питания – домашняя мышь. Будущий тиран Кудеяр Кудеярыч втолковывает Бенедикту истинный смысл сказки «Репка»:

– «Репку» читал? Переписывал?

– Сказку? Читал: посадил дед репку, выросла репка большая-пребольшая.

– Но. Только это не сказка. А притча. <...> Позвали мышку и вытянули репку. Как сие понимать? А так и понимать, что без мыши – никуда. Мышь – наша опора! [Толстая, 2001, с. 224-225].

В «Истреблении тиранов» большое значение имеют «гамлетовские» мотивы. Они проникают даже в историю двухпудовой репы, тащить которую старухе помогает «призрак ее покойного мужа». («Эта вещь сильнее, чем «Гамлет» Шекспира», – мог бы о рассказе старухи сказать тиран). Возможно, Набоков обыгрывает советское осмысление имени «Гертруда» (героиня труда).

Кудеяр Кудеярович, толкуя притчу о репке, старается внушить Бенедикту желание стать «санитаром». Мораль притчи в том, что нужно по-братски помогать друг другу: «Брату подмочь надо?» [Там же, с. 226]. В следующей главе романа Кудеяров настоятельно советует Бенедикту прочесть «Гамлета», где Клавдий «помогает» своему брату-королю отправиться на тот свет:

– «Ты еще «Гамлет» не читал?

– Нет еще.

– Прочти. Нельзя пробелы в образовании... «Гамлет» обязательно прочесть

надо.

– Хорошо, прочту.

– Еще «Макбет» прочти. Ох, книга хорошая, ох, полезная...

– Ладно.

– «Му-му» обязательно. Сужет очень волнующий. Камень ей на шею да и в воду... «Колобок» тоже.

– «Колобок» я читал.

– Читал?! Здорово, да?

– Ага.

Как-к она его!.. Ам!.. Лиса-то... Да, брат, лиса – это, знаешь... Лиса она и есть... Лисанька... Ам!

– Да, жалко...

– При чем тут!.. Это ж искусство! Тут, брат, не жалко, а намек... Понимать надо... Басни Крылова читал?

– Басни начал.

– Хорошие есть... «Волк и ягненок». Хорошая. «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать!» Поэзия» [Там же, с. 236].

6. Изготовление топора

«Истребление тиранов»: «Напрасно меня бы стали уверять, что сам он (тиран. – В.Д.) вроде как ни при чем, что его возвысило и теперь держит на железобетонном престоле неумолимое развитие темных, зоологических, зоорландских идей, которыми прельстилась моя родина. Идея подбирает только топорище, человек волен топор доделать – и применить» (V, 354). Под «применением» топора здесь подразумевается убийство. (В «Приглашении на казнь» топор применяет палач мсье Пьер).

«Кысь»: «Сызмальства Бенедикт ко всякой работе отцом приучен. Каменный топор изготовить – шутка ли. А он может» [Толстая, 2001, с. 21]. Впоследствии Бенедикту, как уже говорилось, суждено стать «санитаром»-убийцей.

7. Остроумный вор

Главный герой набоковского «Дара» Федор Константинович Годунов-Чердынцев, загорая в лесу, лишился своей одежды: «В ямке под кустом, всегда так услужливо укрывавшей ее, он теперь нашел только одну туфлю: все остальное – плед, рубашка, штаны – исчезло. Есть рассказ о том, как пассажир, нечаянно выронивший из вагонного окна перчатку, немедленно выбросил вторую, чтобы по крайней мере у нашедшего оказалась пара. В данном случае похититель поступил наоборот: туфли, вероятно, ему негодились, да и резина на подошвах была в дырках, но, чтоб пошутить над своей жертвой, он пару разобзил. В туфле, кроме того, был оставлен клочок газеты с карандашной надписью: “Vielen Dank”» («Большое спасибо» – нем.; (IV, 520). Германию Федор Константинович называет «Карманией».

Жители Федор-Кузьмичска «тянут» (по примеру мыши из притчи «Репка») все, что только могут, не видя в том ничего зазорного. В первой главе романа их нравы характеризуются рассказом о происшествии с матерью Бенедикта: «Шла раз матушка со Склада, а выдали ей воронье перо. На перину. А оно же легкое, несешь – будто и нет ничего. Пришла домой, холстину отдернула – батюшки-светы: пера нету, а вместо пера – говешки. Ну, матушка в слезы, а отец хохотать. Ведь какой тать веселый оказался: не только добро попер, а еще и выдумку учудил, да с подковыринкой: вот, дескать, цена перу-то вашему. На-кося!» [Толстая, 2001, с. 16].

8. (Не) спасенный портрет

Рецензируя написанную Годуновым-Чердынцевым «Жизнь Чернышевского», Кончеев «начал с того, что привел картину бегства во время нашествия или землетрясения, когда спасающиеся уносят с собой все, что успевают схватить, причем непременно кто-нибудь тащит с собой большой, в раме, портрет давно забытого родственника. «Вот таким портретом, – (писал Кончеев), – является для русской интеллигенции и образ Чернышевского, который был стихийно, но случайно унесен в эмиграцию, вместе с другими, более нужными вещами» <...>» (IV, 482).

Чернышевскому в «Даре» противопоставляется Пушкин. Наследие Пушкина Набокову приходилось отстаивать в борьбе с «парижской нотой», идеологом которой был Г. Адамович [Долинин, 1997, с. 704-707]. Русская эмиграция, по мнению Кончеева (то есть Ходасевича и Набокова), увезла с собой из России не тот портрет.

В главе «Наш» романа «Кысь» один из «прежних» людей Никита Иваныч, помнящий жизнь до «Взрыва», просит Бенедикта вырезать из дерева статую Пушкина («нашего всего»): «Портрета его, – сказал Никита Иваныч, – у меня, к сожалению, нету, о чем вечная моя печаль и терзание. Не уберег. Что спасем из горящего дома?» [Толстая, 2001, с. 168].

9. Твердо

Чаще других произведений Набокова Татьяна Толстая в своей антиутопии цитирует «Приглашение на казнь». «Кысь» делится на главы, названиями которых служат буквы старого русского алфавита: «Аз», «Буки», «Веди» и т. д. Между названиями глав и их содержанием всегда есть более или менее очевидная смысловая связь. В «Приглашении на казнь» названия и начертания букв все время разрастаются под пером автора до масштаба самостоятельных художественных образов. О букве «твердо», например, говорится: «Гупое “тут”, подпертое и запертое четою «твердо», темная тюрьма, в которую заключен неумно воющий ужас, держит меня и теснит» (IV, 101).

У Толстой в главе «Твердо» рассказывается об ужасе, который овладевает Бенедиктом, когда он узнает, что ему предстоит освоить профессию «санитара»:

<<...> – Лечить надо людей, золотой ты мой!

Бенедикт похолодел.

– Кто – я?

– Ну а кто же? Конечно ты. Вот отъешься маленько – малый крюк тебе дам, а по привыкнешь, руку набьешь – и большой выслужишь.

– Я не могу, нет, нет, я не могу, как же... я не могу крюком, нет, нет, нет... тьфу, тьфу, тьфу, не могу, нет, нет, нет...» [Толстая, 2001, с. 226].

Таким образом, тюремное заключение и смерть, ожидающая Цинцинната – оказывается, еще не самое худшее, страшнее самому превратиться в палача.

10. Безжалостные глаголы

«Приглашение на казнь»: «Или ничего не получится из того, что хочу рассказать, а лишь останутся черные трупы удушенных слов, как висельники... вечерние очерки глаголей, воронье...» (IV, 99).

«Кысь»: «Оружие, крепкое, верткое, само приросло к руке – верный крюк, загнутый, как буква «глаголь»! Глаголем жечь сердца людей!» [Толстая, 2001, с. 326].

У Набокова «глаголь» – виселица (в соответствии со словарем Даля), на ко-

торой удавливается слово (глагол). Бенедиктов глаголь тоже – орудие насилия, убийства. «Крюк» санитаров отождествляется (через цитату из «Пророка») с Глаголом поэтическим и пророческим. Толстая и ранее, в повести «Лимпопо», «переписывала» пушкинское стихотворение, делая его более зловещим: ««кукареку», – вопит в клетке шестикрылый серафим; птичка Божия не знает ни пощады, ни стыда: сердце с мясом вырывает и сжирает без следа» [Толстая, 1997, с. 292].

11. Летающая ижица

«Приглашение на казнь»: «Окружающие понимали друг друга с полуслова, – ибо не было у них таких слов, которые бы кончались как-нибудь неожиданно, на ижицу, что ли, обращаясь в пращу или птицу, с удивительными последствиями» (IV, 56-57).

В стихотворении Набокова «Сам треугольный, – двукрылый, безногий...» (1932) «ангелочек ночной», влетевший в окно квартиры, дико мечется ижицей быстрой – в безумной тревоге – комнату всю облетая кругом <...>. (III, 671).

«Ижица» – название последней главы романа «Кысь», в которой после грандиозного пожара двое «прежних» людей, хранивших культурные традиции, неожиданно взлетают: «Прежние согнули колени, взялись за руки и стали подниматься в воздух <...>».

– Вы чего не сгорели-то?

– А неохота. Не-о-хо-та!..

– Так вы не умерли, что ли? А?.. Или умерли?..

– А понимай как знаешь!..» [Толстая, 2001, с. 378-379].

«Прежние» переходят в иное состояние бытия подобно Цинциннату в финальной сцене «Приглашения...», когда уже не важно, казнен герой или нет.

«Ижица» – тридцать третья глава толстовского романа, и в ней цитируется известное высказывание Христа, обращенное к апостолам: «Если кто не примет вас и не послушает слов ваших, то выходя из дома или города того отрясите прах от ног ваших». Один из взлетевших прежних (которого, кстати, зовут так же, как отца писательницы – Никита) следует этому совету буквально, покидая Федор-Кузьмичск: «Никита Иваныч обтряхивал с ног золу – ступня об ступню, быстро-быстро – и немножко запорошил Бенедикту глаза» [Там же, с. 378].

Цинцинната комментаторы набоковского романа соотносили с Христом неоднократно (см., напр., наблюдение Г. Шапиро: (IV, 626)).

Марк Липовецкий по поводу последней сцены «Кыси» пишет: «Сама Толстая в финале явно пытается возвысить Бенедикта до Прежних, до хранителей памяти, а не забвения, разыгрывая заново концовку из «Приглашения на казнь». Однако весь ее роман противоречит этому финалу, ибо доказывает жестокий закон движения культуры, состоящий в том, что побеждают не памятьливые, а забывчивые» [Липовецкий, 2001, с. 80].

На наш взгляд, такого противоречия в книге Толстой нет, потому что финал романа вовсе не столь однозначен. Окончания целого ряда произведений Толстой двусмысленны («Сюжет», «На золотом крыльце сидели...», «Соня»). И прах, отрясаемый с ног взлетевшим Прежним в лицо Бенедикта, манифестирует не столько идею их сопричастности, сколько дистанцированности. До Прежних Бенедикт не возвышается. Но результат его духовного развития состоит в том, что в начале романа он смотрит на Прежних снисходительно, сверху вниз, а теперь вынужден взирать на них снизу вверх.

12. Полеты Бенедикта и Цинцинната

Если Никита Иванович мог бы общаться с Цинциннатом почти на равных, то Бенедикт – сниженный аналог Цинцинната. Главные герои двух романов, носящие трехсложные имена латинского происхождения, регулярно со- и протвоставляются. Цинциннат, например, однажды «прямо с подоконника сошел на пухлый воздух и <...> медленно двинулся, естественнейшим образом ступил вперед <...>» (IV, 103). Бенедикт на такое не способен, но, начитавшись книг, видит сны, в которых он «вроде как летать умеет. Невысоко, правда, и недолго, но все-таки. <...>. И будто Бенедикт это кому-то показывает, разъясняет. Вот, дескать, как это просто, только спину прогнуть, а животом к земле, а руками, дескать, вот эдак. Проснешься – вот жалость: умел ведь летать-то, а к утру забыл» [Толстая, 2001, с. 230].

13. «Сделаем Пушкина!» [Толстая, 1997, с. 279]

Работая в мастерской игрушек (и по вечерам упиваясь «старинными книгами»), Цинциннат изготавливает куклы русских писателей XIX века, первым среди которых называется «маленький волосатый Пушкин в бекеше» (IV, 58).

Бенедикт по просьбе Никиты Ивановича вырезает Пушкина из дерева, но делает поэта похожим на мутантов – шестипалым, так что диссидент из «прежних» Лев Львович называет статую «шестипалым серафимом» [Толстая, 2001, с. 212]. В неоконченном романе Набокова «Solus Rex» образ шестипалой руки обладает мистической силой: «Когда Рогфрид I вступил или, вернее, вскарабкался на шаткий трон, который он сам называл бочкой в море, и в стране стоял такой мятеж и неразбериха, что его попытка воцариться казалась детской мечтой, – помните, первое, что он делает по вступлении на престол, – он немедленно чеканит круны и полкруны и гроши с изображением шестипалой руки, – почему рука? почему шесть пальцев? ни один историк не может выяснить, да и сам Рогфрид вряд ли знал, но факт тот, что эта магическая мера сразу умиротворила страну» (V, 93).

Как заметил А. Долинин, изображение шестипалой руки в «Solus Rex» «по всей вероятности, отсылка к «Дактилиям» (1928) В. Ходасевича в которых каждая из шести строф (состоящих из шести шестистопных стихов) начинается словами: “Был мой отец шестипалым”» (V, 663). В стихотворении Ходасевича шестипалость – признак не только «счастливца», но и художника:

Был мой отец шестипалым. Как маленький лишний мизинец

Прятать он ловко умел в левой зажатой руке,

Так и в душе навсегда затаил незаметно, подспудно

Память о прошлом своем, скорбь о святом ремесле [Ходасевич, 1989, с. 188].

14. Дефективные дети

Цинциннату изменяет его жена Марфинька: «Скоро она забеременела – и не от него. Разрешилась мальчиком, немедленно забеременела снова – и снова не от него – и родила девочку. Мальчик был хром и зол; тупая, тучная девочка – почти слепа» (IV, 61).

Жена Бенедикта Оленька «окотилась» тройней: «одна вроде самочка, махонькая, пищит. Другой вроде как мальчик, но так сразу не скажешь. Третье – не разбери поймешь что, а с виду как шар – мохнатое, страховидное. Круглое такое. Но с глазками. Взяли его на руки покачать, запели: «а-тутусеньки, тутутусеньки тату! а-кукусеньки, кукусеньки куку!», – а оно толк! – оттолкнулось да на пол и соскочило, по полу клубком покатилося и в щель ушло» [Толстая, 2001, с. 330]. В случае Бенедикта не ясно, его это дети или мохнатого «перерожденца» Терентия Петровича.

15. Цинциннат, Полиграф Полиграфович, вивисекция¹

Цинцинната приговаривают к обезглавливанию. Бенедикт тоже подвергается усекновению. Только отрубают ему не голову, а хвостик. Долгое время Бенедикт полагал, что хвостик – нормальная часть тела любого мужчины. «А теперь Никита Иваныч говорит: у людей хвостика нет и быть не должно! <...>. И давай я тебе его сейчас же ампутую, а это значит, возьму топор да и отрублю. Тяп» [Толстая, 2001, с. 163-164]. Глава, в которой Бенедикт, преодолев страх, соглашается на предложение Никиты Иваныча, называется «Покой». Хирургическая операция, как и в «Приглашении на казнь», должна перевести героя на новый, более высокий уровень бытия. Но рубят не «сверху», а «снизу» – то есть рубят не власти, а оппозиция, сцена казни переворачивается, ставится, так сказать, с головы на хвост.

Бенедикт – довольно монструозный художественный образ, продукт литературного скрещения Цинцинната с булгаковским Шариковым². Здесь уже ироническое, пародийное звучание романа Толстой слышится отчетливо.

Подобно Шарикуну / Шарикову Бенедикт – человек-пес. Окружающие считают, что у него собачье имя: «А отчего это у тебя, Бенедикт, имя собачье?» [Там же, с. 165]. Один из холопов без задней мысли говорит Бенедикту «Пес с тобой», заставляя того сразу заподозрить намек на хвост: «Как выразил-то нехорошо – пес» [Там же, с. 178]. Нестандартное употребление глагола «выразить» восходит к «Собачьему сердцу», где Шариков спрашивает у Преображенского: «Вы что на это выразите, товарищ?» [Булгаков, Маяковский, 1994, с. 204]. В этом же разговоре чуть ранее Преображенский укорял Шарикова: «Кто ответил пациенту: “Пес его знает?”» [Там же, с. 203]. Как и у Бенедикта, в результате операции у Шарик(ов)а «отвалился хвост» [Там же, с. 195].

16. Хер

«Хер» – крест, которым перечеркивается текст. В главе под таким названием Бенедикт с ужасом и отчаянием обнаруживает, что прочел уже все книги своей библиотеки! «Все кончено...» – думает он [Толстая, 2001, с. 250].

На первой странице «Приглашения...» приближение цинциннатовой смерти сравнивается с окончанием чтения: «Итак – подбираемся к концу. Правая, еще непочатая часть развернутого романа, которую мы, посреди лакомого чтенья, легонько ошупывали, машинально проверяя, много ли еще (и все радовала пальцы спокойная, верная толщина, вдруг, ни с того ни с сего, оказалась совсем тощей: несколько минут скорого, уже под гору чтенья – и... ужасно! Куча черешен, красно и клейко черневшая перед нами, обратилась внезапно в отдельные ягоды: вон та, со шрамом, подгнила, а эта сморщилась, ссохшись вокруг кости (самая же последняя непременно – тверденькая, недоспелая). Ужасно!» (IV, 47-48).

Для Бенедикта окончание чтения равносильно смерти. Набоковский текст-центризм доведен здесь до крайнего, комического предела. Скепсис Толстой относительно возможностей литературы воздействовать на жизнь проявляется в том,

---

¹ Форма названия данной главки – не совсем точное подражание поэтике библиотечного «каталога» Бенедикта. Книги его расставлены в строгом порядке, в соответствии с определенной системой. Вот описание одной из его книжных полок: ««Муму», «Нана», «Шушу. Рассказы о Ленине», «Гагарин. Мы помним Юру», «Татарский женский костюм», «Бубулина – народная героиня Греции», Боборыкин, Бабабевский, Чичибабин, «Бибигон», Гоголь, «Дадаисты. Каталог выставки», «Мимикрия у рыб», «Вивисекция», Тютюнник, Чавчавадзе, «Озеро Титикака»» [Толстая, 2001. С. 249].

² Аналог Шарикова в чистом виде – перерожденец Терентий Петрович.

что бенедиктова библиомания никак не затрагивает его нравственную неразвитость и дремучую невежественность. Он просто, как говорится ныне, подсел на книжки. Вставило ему круто, но, увы, не навсегда¹. Книги для него – особый мир, никак не связанный с реальностью. Бенедикт не в силах покинуть этот воображаемый мир: «с книгами расставаться – уж лучше смерть» [Там же, с. 294]. Без новых книг он ощущает себя стоящим на краю могилы: «Все читал. <...>. Бенедикт постоял, капая свечным салом на пол, осмысливая случившийся ужас. Так вот пирует себе человек в богатом пиру, в венке из роз, смеясь беспечно, и вся жизнь у него впереди; бездумно ему и светло; откусил, играючи, кусок ватрушки, протянул руку за другим – и вдруг раз! – и видит, что и стол-то пуст, чист, ни обедка, и горница как мертвая: ни друзей, ни красавиц, ни цветов, ни свечей, ни цимбалов, ни танцоров <...>» [Там же, с. 250].

17. Что такое плохо?

Если ты
порвал подряд
книжицу
и мячик,
октябрюта говорят:
плоховатый мальчик.
В. Маяковский

Бенедикт и Набоков не выносят дурного обращения с книгой. По их убеждению, испортить книгу может только кроманьонец или обезьяна. Бенедикт о книге думает:

«Милая! Воды боится, огня боится, от ветра трепещет; корявые, грубые пальцы человеческие оставляют на ней синяки, и не пройдут они! Так и останутся!

А есть которые рук не помывши!..

А есть которые чернилом подчеркивают!..

А есть которые страницы вырывают!..

И сам он прежде был так дик и нелеп, такой кроманьон, что слюнявым пальцем протер дырку!» [Толстая, 2001, с. 284].

В 1923 году Набоков опубликовал гневное стихотворение: «Обезьяну в сарафане // как-то ряженный привел; // вперевалку подбежала, // мягко вспрыгнула на стол. // Села (бисерные глазки, // гнусно выпученный рот...); – // с человеческой ужимкой // книгу чудище берет; // книгу песен, книгу неги... // А она-то лапой хват! – // вмиг обнюхала страницы // и давай их вырывать! // Пальцы рыжие топырит; // молчаливо, с быстротой // деловитою, кромсает // сердце книги золотой...» (I, 544-545).

«Кысь»: «Ты, Книга, чистое мое, светлое мое, золото певучее <...>» [Там же, с. 263].

18. Девушка-призрак

Жена Бенедикта Оленька вписана в ряд таких набоковских героинь, как Поленька, Машенька, Марфинька, Зина Мерц. Восприятие Оленьки Бенедиктом пародирует не отношения той или иной пары набоковских персонажей, а саму концепцию любви писателя, согласно которой мечта, воспоминание о возлюбленной предпочтительнее реальной женщины.

---

¹ К теме литературной наркомании обращались В. Сорокин и В. Пелевин.

В «Других берегах» Набоков рассказывает о своей однолетке Поленьке, дочке кучера: «Боже мой, как я ее обожал! Я никогда не сказал с ней ни слова <...>. Странно сказать, но в моей жизни она была первой, имевшей колдовскую способность накаливанием света и сладости прожигать сон мой насквозь (а достигала она этого тем, что не давала погаснуть улыбке), а между тем в сознательной жизни я и не думал о сближении с нею, да при этом пуще боялся испытать отвращение от запекшейся грязи на ее ногах и затхлого запаха крестьянского платья, чем оскорбить ее тривиальным господским ухаживанием» (V, 280-281).

До женитьбы Оленька в восприятии Бенедикта раздваивается: «Вот сидит будто она где-то, словно новогоднее деревце разряженная, расфуфыренная, сама не шелохнется, а сама поглядывает...

А другая Оленька, что вот тут, в Рабочей Избе, картинку рисует и язык высунула, – она попроще и личиком, и одежей, и повадками. <...>. Вроде как от простой Оленьки сонный образ какой отделяется, перед глазами висит как марь, как морок, как колдовство какое» [Толстая, 2001, с. 92-93].

После женитьбы «волшебное видение» [Там же, с. 93] пропадает: «А видений никаких не видишь; как-то они ушли, виденья-то. А жалко. Вот прежде Оленька виделась: бусы там, ямочки, ленточка. А теперь – что ж? Теперь вот она, Оленька. Тут, под боком. <...>. А только раньше вроде как бы мерцание от нее было. Вроде бы тайна какая» [Там же, с. 215]. Лексика этого отрывка (видения, мерцание) заимствована из стихотворения, обращенного Федором Годуновым-Чердынцевым к его возлюбленной Зине Мерц («Дар»): «Как звать тебя? Ты полу-Мнемозина, полумерцанье в имени твоём, – и странно мне по сумраку Берлина с полувиденьем странствовать вдвоем» (IV, 337-338).

19. Между Сирином и Кысью

Внутренний мир Бенедикта биполярен. В поляризации участвуют два воображаемых существа. На одном, негативном полюсе – ужасная Кысь, на которую Бенедикт боится стать похожим. На другом – восхитительная «белым-белая Княжья Птица Паулин. А глаза у той Птицы Паулин в пол-лица, а рот человеческий, красный. А красоты она таковой, Княжья Птица-то, что нет ей от самой себя покою: тулово белым резным пером укрыто, а хвост на семь аршин, как сеть плетеная висит, как марь кружевная. Птица Паулин голову все повертывает, саму себя все осматривает и всю себя, ненаглядную, целует. И никому из людей от той белой птицы отродясь никакого вреда не было, нет и не будет. Аминь» [Толстая, 2001, с. 67].

Слово «Сирин» в романе Толстой не встречается ни разу. Но именно образ Княжьей Птицы Паулин представляет собой лубочный портрет Набокова-Сирина. Лубочный и, конечно, шаржированный. У Княжьей Птицы – женское имя, Сирин русских народных преданий и лубков – дева-птица. Полу-птицей, полу-человеком изображает себя Набоков в стихотворении «Слава» (сб. «Poems and Problems»): «Я божком себя вижу, волшебником с птичьей // головой, в изумрудных перчатках, в чулках // из лазурных чешуй» (V, 420).

Княжья Птица влюблена в саму себя: разговоры о нарциссизме Набокова, ведущиеся критиками давно и со вкусом, возникли, разумеется, не на пустом месте.

Имя «Паулин» образовано от «павлин». Эта птица – лейтмотивный образ поэзии В. Сирина. Например, в стихотворении «Павлины» (сб. «Горний путь») говорится о Деве Марии, которая плетет из павлиньих перьев венки для «Христарбенка» (I, 537). В других стихотворениях молодого Набокова павлин часто оказывается райской птицей, уподобляясь Сирину и Серафиму: «Кто выйдет ввечеру? Кто плод поднимет спелый? // Кто вертограда господин? // В тени аллеи, один, лилейно-белый, // живет павлин» (стихотворение «Кто выйдет поутру?..», открывающее сборник «Гроздь»: I, 443). «Там в роще дремлет ангел дикий, – // полулав-

линье существо...» (стихотворение «В раю», завершающее поэтический раздел книги «Возвращение Чорба»: II, 548). «Там – благовония, там – звоны, там – прибор, // а тут, на высоте – одна молитва линий, // стремительно простых; там словно шелк павлиний <...>» («Я на море гляжу из мраморного храма...»: I, 445). «<...> среди павлинов, ланей, тигров <...>» («Рай»: I, 639). «И войдет таинственный их брат, // перешедший выюги и трясины, // в те сады, где в зелени стоят // Серафимы, как павлины» («На смерть А. Блока»: I, 449).

Павлины упоминаются также в стихотворениях «Садом шел Христос с учениками...» (I, 447) и «В зверинце» (I, 462). В статье 1923 года «Расписное дерево» («Painted Wood») Набоков заметил по поводу русского народа: «ни один народ на земле не любит так страстно павлиньи перья <...>» [Набоков, 1996, с. 44].

Полупавлинье существо Паулин Татьяны Толстой обладает глазами «в поллица» – то есть набоковской зоркостью и наблюдательностью. Паулин к тому же – «Князь Птица», чем подчеркивается духовный аристократизм Набокова, одинокого короля. Единственная несомненно человеческая часть тела Паулин – ее рот, заставляющий нас предполагать, что и она, как ее прототип, наделена даром речи, художественного слова. Князь Птица неоднократно ассоциируется у Бенедикта с книгами.

Таким образом, мир мутантов втягивает в себя Набокова благодаря не только его фамилии, но и псевдониму. Мутация как таковая не обязательно ведет к деградации человека. Хвостик Бенедикта сближал своего хозяина как с собакой, так и с птицей: «А раз приснилось, будто хвост у него вырос кружевной, да резной, весь белый, будто у Князьей Птицы» [Толстая, 2001, с. 230].

В романе Толстой нет героев, которых не затрагивала бы авторская ирония. Воспарившие в финале Никита Иванов и Лев Львович ранее изображались с большим юмором. Смешное у Толстой не мешает высокому. И Набоков пародируется вовсе не для того, чтобы его развенчать. Альфред Аппель, интервьюируя Набокова, заметил, что пародия и автопародия занимают огромное место в его творчестве, и попросил пояснить высказывание о пародии Федора Годунова-Чердынцова. Набоков ответил: «Когда <...> Федор в «Даре» упоминает о «духе пародии», радугой играющем над струей подлинной «серьезной» поэзии, он говорит о пародии как о легкомысленной, тонкой, пересмешливой игре, такой, как пушкинская пародия на Державина в “Exegi monumentum”» [Набоков, 1997 б, с. 604]. То есть пародия, по мысли Набокова, не обязательно преследует эффект «снижения». И даже когда пародируются уже отработанные, мертвые приемы искусства, пародия способна окрылять, поднимать ввысь. В романе «Подлинная жизнь Себастьяна Найта» повествователь рассказывает о первом романе своего брата «Призматический фацет»: «Как это часто случалось в творчестве Себастьяна Найта, он прибегнул к пародии как к своего рода подкидной доске, позволяющей взлетать в высшие сферы серьезных эмоций. Дж. Л. Коулмен говорит в этой связи об «окрыленном клоуне, об ангеле, притворившемся турманом»¹ – эта метафора представляется мне весьма уместной. Хитроумно построенный на пародировании различных уловок литературного ремесла, «Призматический фацет» «взмывает ввысь» [Набоков, 1997 а, с. 97].

Тем более мощной «подкидной доской» для автора «Кыси» стало творчество Набокова: пародия на него «радугой играет» над лучшими страницами этой книги – последнего русского романа XX века.

---

¹ Ср. еще раз двойственные образы ангела-полупавлиньего существа из стихотворения «В раю», райских птиц Сирин и Паулин, а также взлетевших «прежних».

Литература

- Булгаков М., Маяковский В. Диалог сатириков. М., 1994.
- Долинин А. Три заметки о романе Владимира Набокова «Дар» // В.В. Набоков: Pro et Contra. СПб., 1997.
- Липовецкий М. След Кыси // Искусство кино. 2001. № 2.
- Набоков В. Расписное дерево // Звезда. 1996. № 11. Пер. с англ. Н.И. Толстой.
- Набоков В. Собрание сочинений американского периода: В 5 т. Т.1. Подлинная жизнь Себастьяна Найта. Под знаком незаконнорожденных. Николай Гоголь. Пер. с англ. С. Ильина. СПб., 1997 а.
- Набоков В. Собрание сочинений американского периода: В 5 т. Т.3. Пнин. Рассказы. Бледное пламя. Пер. с англ. С. Ильина. СПб., 1997 б.
- Набоков В. Собрание сочинений русского периода: В 5 т. Т.4. СПб., 2000.
- Толстая Т. Любишь – не любишь. М., 1997.
- Толстая Т. Кысь. М., 2001.
- Ходасевич В. Стихотворения. Л., 1989.